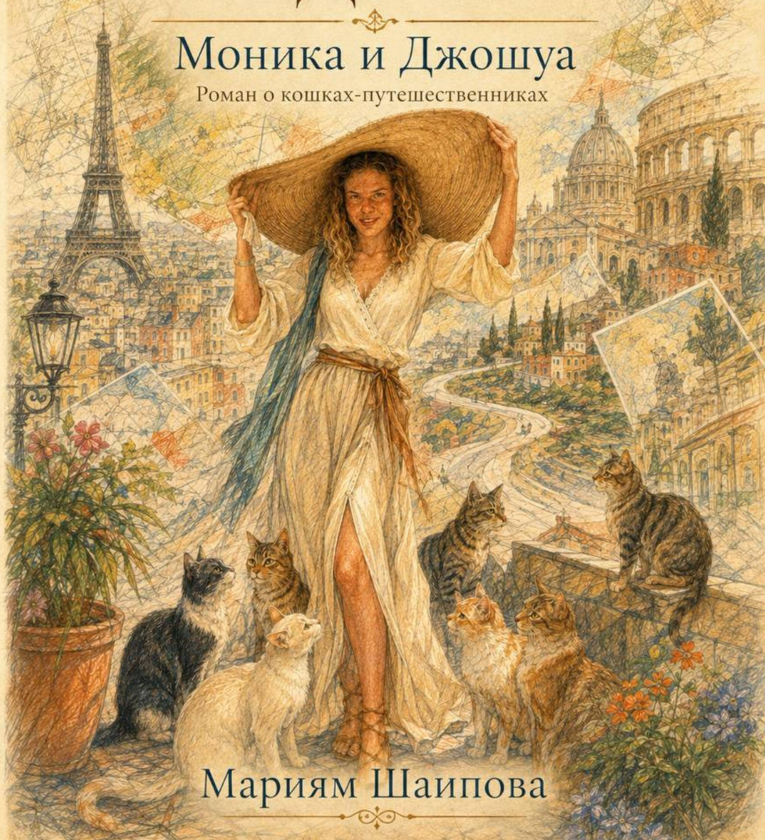

ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ НА ДВОИХ

Моника и Джошуа

Роман о кошках-путешественниках

Мариям Шаипова

Мариям Шаипова

Девять жизней на двоих

<https://litres.ru/74332723>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если кошки знают о любви, свободе и доме больше, чем мы?

«Девять жизней на двоих» Мариям Шаиповой — приключенческий роман-путешествие с элементами магического реализма, романтики и прозы о животных.

Моника и Джошуа — кошки-странники. Их путь начинается в Петербурге, проходит через тайные московские адреса, Ереван, Америку и ведёт к Риму. На дороге им помогают Проводники и редкие Слышащие — люди, способные понимать кошачьи мысли.

Моника ищет следы пропавших родителей, а вместе с Джошуа пытается найти загадочную Марию — заводчицу манчкинов, которая всегда оказывается на шаг впереди.

Это история о любви без клетки, доме без границ, потерях, выборе, спасённых жизнях и поиске своего места в огромном мире.

Но когда кажется, что путешествие закончено, приходит сообщение, которое меняет всё

Продолжение следует...

Содержание

Глава	4
Глава 1. Дом, который помнил снег	6
Глава 2. Кошка, которой было мало одного окна	9
Глава 3. Тень старой фотографии	13
Глава 4. Прощание с Лилой	20
Глава 5. Последняя ночь в Петербурге	24
Глава 6. Поезд на юг	28
Глава 7. Улица Обручева	30
Глава 8. Ленинский проспект	38
Глава 9. Ночной узел	45
Глава 10. Карта, на которой нет границ	53
Глава 11. Город розового камня	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Девять жизней на двоих

Глава

Эта книга — о странствиях, верности, кошачьей мудрости и о том, что настоящее родство не имеет границ. Она написана для всех, кто умеет слышать сердце дороги и верит, что у любви всегда больше одной жизни.

От автора

В этом романе все главные действующие лица — кошки. Люди появляются здесь лишь тогда, когда действительно важны для пути: это особенные хозяева кошек, редкие Слышащие, умеющие мысленно понимать кошачью речь и отвечать на нее так же тихо и верно. Именно поэтому Моника и Джошуа порой встречаются на дороге тех, кто способен услышать не только мяуканье, но и саму душу странника.

Вся история рассказана изнутри опыта Моника и Джошуа: человеческий мир появляется лишь в той мере, в какой его видят, слышат или узнают эти две кошки. Даже когда рядом действуют Проводники или Слышащие, центр повествования остается кошачьим — с запахами, звуками, инстинктами, памятью и тем особым способом понимать любовь и дорогу, который принадлежит только им.

Сквозной мечтой героев становится встреча с заводчицей

манчкинов по имени Мария — одной из редких Слышащих. О ней они слышат в разных странах, но всякий раз, приезжая, узнают, что она уже отправилась дальше. Так возникает еще одна дорога внутри дороги: погоня не за человеком, а за надеждой, что однажды судьба сведет вместе всех, кто умеет любить животных и мир.

ЧАСТЬ I. РОССИЯ

Россия стала для Моники не только домом, но и первой точкой на карте большой внутренней дороги.

Глава 1. Дом, который помнил снег

В старом петербургском доме на Петроградской стороне зима никогда не входила без разрешения. Она сперва стучалась в окна мелкой ледяной крупой, потом укладывала белые шапки на подоконники, а уже после просачивалась во двор-колодец, где под чугунной лестницей жила одна из самых известных кошачьих семей квартала.

Людям казалось, что здесь просто много кошек. Они видели серебристую Монику, которая по утрам сидела на третьем окне и смотрела на Неву; белую Лилу с золотистыми ушами, обожавшую красные банты; старого полосатого Тихона, чей надорванный левый ус считался среди дворовых котов знаком великой мудрости. Но люди не знали, что под лестницей существовал настоящий дом: с кладовой, мягкими подушками, потайным ходом к чердаку и маленькой библиотекой, где вместо книг хранились карты, билеты, перья птиц, этикетки от гостиничных чемоданов и старые фотографии.

Моника заведовала этим домом с тех пор, как исчезли ее родители. Они были странниками. Мать умела находить дорогу по запаху моря, отец мог по одному звуку определить, какой поезд уходит с Московского вокзала. Однажды они отправились на север и не вернулись. Тихон, отец их отца, принял внучек к себе и с той поры считал путешествия самой опасной болезнью на свете.

— Дорога ничего не обещает, — любил он ворчать. — Дом хотя бы знает твое имя.

Моника никогда не спорила с ним вслух. Она просто смотрела на карту Европы, спрятанную под старой деревянной доской, и думала, что дом знает ее имя слишком хорошо. Настолько хорошо, что иногда ей нечем было дышать.

В тот февральский день во дворе царила суета. Через неделю Лила должна была уехать в новый дом вместе с котом по имени Феликс — ухоженным британцем из квартиры на Каменноостровском проспекте. Он был вежлив, красив, носил ошейник цвета темного вина и презирал помойки, подворотни и все, что нельзя было заранее запланировать.

Лила была счастлива. По крайней мере, так она говорила.

Моника раскладывала подарки: игрушечные мышки, два шерстяных пледа, серебряную мисочку, новую переноску и даже крошечный медальон с выгравированной буквой «Л». Она проверяла список, следила, чтобы ничего не потерялось, и отдавала распоряжения соседским котяткам, которые таскали ленты и путались у нее под лапами.

— Ты опять все делаешь сама, — заметил Тихон, появившись из библиотеки.

— Если я не сделаю, никто не сделает.

— Это ты сама всех к этому приучила.

Моника подняла глаза. Старик смотрел сурово, но в желтых глазах была нежность.

— А что потом? — спросил он.

— После чего?

— После отъезда Лилы.

Моника замерла.

За окном проехал трамвай. Стекла чуть задрожали, и этот звук вдруг напомнил ей далекое море, которого она никогда не видела.

— Потом будет весна, — ответила она.

Тихон фыркнул.

— Я спрашиваю не о погоде.

Но Моника уже отвернулась. На другом конце комнаты лежала старая кожаная сумка отца. Из нее торчал уголок карты. По краю карты темнела надпись, сделанная его лапой много лет назад: «Если однажды станет тесно — иди туда, где незнакомо пахнет воздух».

Моника знала эту фразу наизусть.

Вечером, когда дом затих, она поднялась на крышу. Петербург был огромен, холоден и прекрасен. Снег на крышах светился в желтом свете фонарей. Где-то далеко, за домами, гудел поезд.

Моника закрыла глаза.

Ей показалось, что он зовет ее.

Глава 2. Кошка, которой было мало одного окна

Среди отцовских карт и морских билетов Моника однажды нашла пожелтевшую вырезку из журнала о заводчице манчкинов по имени Мария. Говорили, что она не просто разводит удивительных кошек, а умеет слышать их мысли так ясно, словно они произнесены вслух. С тех пор Моника мечтала однажды встретить Марию и узнать у нее, правда ли дорога выбирает своих детей сама.

Тихон только фыркал, когда видел, как Моника бережно разглаживает вырезку лапой. Но даже он однажды признал, что если на свете и есть человек, который поймет кошку-странницу с полуслова, то это, пожалуй, Мария.

Лила относилась к мечтам сестры как к странной привычке — вроде любви к дождевой воде или сна на жестком подоконнике.

— Ты могла бы жить прекрасно, — сказала она утром, пока Моника помогала завязать на ее шее новый голубой бант. — Тихон оставит тебе весь дом. Люди из третьей квартиры тебя обожают. У тебя всегда будет еда, тепло и уважение. Чего тебе еще надо?

— Увидеть, что находится за Московским вокзалом.

— Другие вокзалы, — рассмеялась Лила. — Потом другие

дома. Потом еще дома. Везде одно и то же.

Моника не стала отвечать. Она знала: объяснить жажду дороги тому, кто ее не чувствует, невозможно.

После полудня пришел Феликс. Он пах дорогим шампунем и свежей индейкой. На лапе у него был кожаный браслет с маленьким адресником.

— Моника, — произнес он с почтительным наклоном головы, — я хотел поблагодарить тебя за все хлопоты. Лиле невероятно повезло с сестрой.

— И тебе с Лилой.

Феликс довольно улыбнулся.

— Мы собираемся жить спокойно. Без приключений. У нас будет солнечная лоджия, три лежанки и человек, который работает из дома.

— Звучит надежно.

— Надежность недооценивают.

Моника посмотрела на него. Он был именно таким котом, какого Тихон считал бы идеальным: предсказуемым, аккуратным, привязанным к одному месту.

— А ты? — спросил Феликс. — Говорят, ты иногда уходишь на вокзал и сидишь возле поездов.

— Иногда.

— Зачем?

— Слушаю.

— Что?

— Как они уезжают.

Феликс помолчал, будто пытался понять шутку.

— Береги себя, Моника. Мир за двором не слишком ласков к кошкам.

Эту фразу она слышала сотни раз.

В тот вечер Моника снова открыла отцовскую сумку. На самом дне, под фотографиями, лежал плотный конверт. Она раньше его не замечала. На конверте было написано всего одно слово: «Монике».

Внутри оказалась маленькая черно-белая фотография. На ней ее родители сидели на каменном парапете перед незнакомым городом. За их спинами поднималась гора, а дома были выложены из теплого розового камня.

На обороте отец написал: «Ереван. Город, где камни помнят солнце даже ночью. Здесь я впервые понял, что можно скучать по месту еще до того, как его покинешь».

В конверте лежал и другой листок — адрес старого кошачьего приюта при мастерской художника Арсена: улица Сарьяна, Ереван.

Моника долго смотрела на фотографию.

Она знала названия сотен городов. Париж, Тбилиси, Рим, Нью-Йорк, Стамбул. Но именно Ереван вдруг перестал быть точкой на карте. Он стал продолжением ее родителей, двору, которую они когда-то открыли и оставили для нее незапертой.

Тихон нашел ее под утро.

— Что ты задумала?

Моника не стала прятать фотографию.

Старый кот увидел ее и будто сразу постарел еще на несколько лет.

— Нет.

— Я ничего не сказала.

— Но я тебя знаю.

— Тогда ты знаешь, что запрещать бесполезно.

— Моника.

Он произнес ее имя так тихо, что она впервые услышала в нем не приказ, а страх.

— Я не исчезну, — сказала она.

— Так все говорят перед дорогой.

Она подошла и коснулась лбом его лба.

— Я вернусь.

Тихон отвернулся.

— Сначала проводи сестру. Потом будем говорить.

Но Моника уже поняла: разговор состоится. И впервые за многие годы ей показалось, что ее жизнь действительно может измениться.

Глава 3. Тень старой фотографии

В ту ночь Моника не уснула. Она лежала рядом с отцовской сумкой, и ей казалось, что кожаная застёжка хранит больше ответов, чем все живые вокруг. Тихон давно ушел в библиотеку, Лиля сопела на своей подушке, а за окном мелкий снег цеплялся за стекло. Моника осторожно вынула фотографию родителей и поставила ее перед собой.

На снимке они были моложе, чем она помнила. Отец сидел чуть впереди, будто даже для фотографа не мог перестать смотреть в сторону дороги. Мать касалась его плеча хвостом. За ними — Ереван, розовый камень, теплый свет и гора, которую Моника пока знала только по чужим словам.

— Вы ведь тоже когда-то боялись? — прошептала она, хотя отвечать было некому.

Тихон услышал. Старый кот появился в дверях так бесшумно, что Моника вздрогнула.

— Они боялись постоянно, — сказал он. — Просто твой отец считал, что страх — это плохая причина оставаться на месте.

Моника подняла голову.

— Ты никогда не рассказывал, какими они были до нас.

— Потому что я сердился.

— На них?

— На дорогу. На него. На себя. На все сразу.

Он тяжело устроился рядом. Некоторое время они молчали. Потом Тихон сам потянул к себе сумку и когтем открыл внутренний карман, которого Моника прежде не замечала. Из него выпал тонкий сверток — несколько выцветших снимков, связанных ниткой.

На первом родители стояли на крыше московского дома. За ними тянулся широкий проспект, по которому ползли машины, а вдали высились одинаковые дома. На обороте было написано: «Ленинский. Здесь мы впервые встретили человека, который слышал нас обоих одновременно».

На втором — зимний двор, низкие кусты, длинный жилой дом и черная кошка на подоконнике. Подпись: «Обручева. Ночная станция Проводников».

Третья фотография оказалась почти пустой: темная лестница, металлическая дверь и кусочек синей стены. Но на обороте отец оставил несколько слов: «Если однажды придется искать путь через Москву, иди не туда, где вокзалы, а туда, где тебя ждут».

Моника перечитала дважды.

— Почему ты не показывал?

Тихон отвернулся.

— Потому что когда твой отец пропал, я решил, что сожгу все его карты.

— Но не сжег.

— Не смог.

Старый кот погладил лапой край фотографии.

— Роланд умел приводить домой весь мир. Он возвращался из поездки и через два часа под лестницей уже сидели какие-то совершенно незнакомые коты, люди, собаки, один раз даже ворона с поврежденным крылом. Твоя мать Элиза ругалась, что он превращает дом в вокзал. Потом сама находила всем миски.

Моника улыбнулась.

Имена родителей редко произносили вслух. Для нее они давно стали почти легендой: «мама», «папа», «странники». Услышать «Роланд» и «Элиза» было странно. И хорошо.

— Они познакомились в дороге?

— Нет. В Петербурге. На самой скучной улице, какую только можно представить. Роланд тогда был уверен, что никогда не заведет семью. Элиза была уверена, что никогда не станет жить с котом, который не умеет возвращаться к ужину. Через год они спорили, куда ехать после Еревана.

— Кто победил?

— Оба. Поехали в третье место.

Тихон усмехнулся, но улыбка быстро исчезла.

— Твоя мать умела слышать людей лучше, чем большинство кошек. Не мысли — нет. Она просто замечала то, что они скрывали голосом. А отец доверял Слышащим. Именно через них они проходили границы.

— Значит, Слышащие существовали и тогда?

— Они существовали всегда. Просто раньше их называли иначе. Кто-то говорил — «люди с тихим слухом», кто-то

— «двуногие, которые понимают». Проводники собирали их адреса отдельно и никому не отдавали целиком.

Моника посмотрела на фотографию с улицы Обручева.

— Там до сих пор станция?

— Не знаю. Москва меняется быстрее, чем кошки успевают запоминать крыши.

— Но Семен знает?

Тихон вздохнул.

— Конечно знает. Поэтому я и отправляю тебя к нему.

— Отправляешь?

— Не цепляйся к словам.

Моника снова разложила снимки. Теперь дорога до Еревана перестала быть прямой линией. На ней появилась Москва, а в Москве — два адреса, связанные с ее родителями. Она почувствовала знакомое возбуждение: мир вдруг сделался глубже, словно за видимой картой обнаружилась еще одна.

— А Мария? — спросила она. — Родители могли ее знать?

Тихон задумался.

— Не думаю. Тогда она была совсем молодой. Но твой отец однажды привез из Москвы записку о манчкинах. Он смеялся, говорил, что короткие лапы никогда не мешали ни одной кошке иметь большие планы.

Моника фыркнула.

— Похоже на него.

— Ты слишком хорошо его понимаешь, хотя почти не помнишь.

— Может, поэтому и хочу ехать.

Тихон не ответил. Потом медленно поднялся.

— Запомни одну вещь. Не пытайся превратить родителей в маршрут. Если будешь ставить лапу точно в каждый их след, однажды обнаружишь, что собственной дороги у тебя нет.

— Арсен потом скажет мне то же самое?

— Если он еще не поглупел.

— Ты его знаешь?

— Я знаю всех, кто когда-нибудь позволял твоему отцу спать на столе.

Моника рассмеялась.

Перед уходом Тихон остановился.

— И еще. На Обручева, если станция жива, спроси кошку по имени Рута. Если ее нет — не задавай лишних вопросов. У Проводников бывает прошлое, которое лучше не вытаскивать на свет без разрешения.

— А что случилось?

— Вот именно об этом я и сказал.

Он ушел.

Моника еще долго смотрела на три снимка. Петербург за окном был знаком до последней водосточной трубы, но теперь даже он казался началом большого рисунка. Она прикрепила фотографии к внутренней стороне отцовской сумки

и впервые подумала не о том, куда уедет.

Она подумала о том, сколько невидимых существ помогали ее родителям возвращаться живыми.

Утром Лила увидела снимки.

— Ты действительно поедешь через Москву?

— Да.

— А если там никого не осталось?

— Тогда узнаю, что никого не осталось.

— А если узнаешь что-то плохое про родителей?

Моника замерла.

Этого вопроса она себе не задавала.

— Тогда это все равно будут мои родители.

Лила долго смотрела на нее.

— Знаешь, я раньше думала, что тебе нужны красивые города. А тебе, кажется, нужны ответы.

— Иногда это одно и то же.

— Нет, — сказала Лила. — Красивый город можно сфотографировать и уехать. С ответом потом приходится жить.

Моника удивленно подняла уши.

— Откуда у тебя сегодня столько мудрости?

— Я выхожу замуж. Мне положено.

Они обе рассмеялись.

Но слова сестры остались с Моникой. Она еще не знала, что впереди ей придется найти ответы, которые захочется забыть, и вопросы, которые окажутся важнее любого ответа.

Пока же у нее были три фотографии, адрес в Ереване и

билет на юг.

Для начала этого было достаточно.

Глава 4. Прощание с Лилой

День отъезда Лилы выдался солнечным и очень холодным. Во дворе хрустел снег, а на крышах сидели голуби, наблюдая за церемонией с тем же любопытством, с каким люди смотрят чужие свадьбы.

Лиле предстояло уехать недалеко — всего через несколько кварталов. Но в кошачьем мире расстояния измерялись не километрами. Новый дом означал новые запахи, новые правила, новую территорию и, самое главное, новую жизнь.

Феликс пришел с человеком — высокой женщиной в сером пальто. Она поставила на снег большую переноску с мягким пледом. Лила кружилась вокруг нее, то радостная, то внезапно испуганная.

— Ты точно будешь приходить? — спросила она Монику уже в третий раз.

— Конечно.

— И если мне там не понравится?

— Вернешься.

— Феликс говорит, надо привыкнуть.

— Привыкать можно только к тому, что не ломает тебя.

Лила нахмурилась.

— Ты всегда говоришь слишком серьезно.

— Кто-то в нашей семье должен.

Они обе рассмеялись.

Тихон стоял рядом, делая вид, что происходящее его не трогает. Но когда Лила подошла прощаться, он долго выли- зывал ей макушку, как делал, когда она была котенком.

— Не позволяй никому решать за тебя, — пробурчал он.

— Даже Феликсу?

— Особенно Феликсу.

Феликс сделал вид, что не слышал.

Когда дверца переноски закрылась, Лила внезапно при- жала лапу к решетке. Моника приложила свою с другой сто- роны. Несколько секунд они смотрели друг на друга.

И в этот момент Моника поняла, что столько лет жила не только ради сестры — она пряталась за заботой о ней. Пока Лила была маленькой, Монике не нужно было отвечать на вопрос, чего хочет она сама.

Машина уехала.

Во дворе стало тихо.

Тихон медленно вернулся под лестницу, а Моника оста- лась на снегу. Впервые никто не звал ее проверить миски, найти потерянную ленту, успокоить Лилу или договориться с соседями.

Свобода оказалась не легкой и радостной.

Она была пугающе пустой.

Вечером Тихон открыл библиотеку и положил перед Мо- никой старый жестяной жетон.

— Что это?

— Метка Проводников.

Моника подняла голову.

О Проводниках знали все путешествующие кошки. Это была сеть людей и животных, которые помогали друг другу пересекать страны. Кто-то устраивал место в поезде, кто-то вез на машине, кто-то оформлял настоящие ветеринарные документы для тех кошек, у которых были люди. В больших городах существовали тайные станции: квартиры, мастерские, книжные магазины, гостиничные подвалы.

Среди людей Проводников существовал особый круг — Слышащие. Их было мало. Для остальных человек слышал в кошачьей речи только мурлыканье, мяуканье и шорох когтей, но Слышащие улавливали мысль целиком: не отдельные слова, а смысл, настроение и даже то, что кошка пыталась скрыть. Кошки отвечали им так же — без голоса, прямо в сознании. Именно поэтому Проводники доверяли Слышащим самые трудные маршруты. Они могли спросить, больно ли животному, чего оно боится, куда хочет попасть, и не решать его судьбу за него.

— Откуда он у тебя?

— От твоего отца.

Сердце Моника забилося быстрее.

— Ты все это время хранил его?

— Я надеялся, что он больше никому не понадобится.

— Но дал мне.

— Я еще ничего не дал. — Тихон прижал жетон лапой. — Послушай меня. Ты поедешь не потому, что тебе скучно. И

не потому, что хочешь доказать, будто не похожа на Лилу. Ты поедешь только если готова отвечать за себя.

— Готова.

— Не перебивай. В дороге никто не обязан тебя спасать. В чужом городе твоя гордость ничего не стоит. Учись просить помощи. Не доверяй красивым словам. И возвращайся, если почувствуешь настоящую опасность.

Моника молчала.

— И последнее, — сказал Тихон. — Не влюбляйся в странника.

Она удивленно рассмеялась.

— Почему именно это?

— Потому что один странник уже разрушил мне сердце. Твой отец.

— Он был твоим сыном.

— Именно.

Старый кот подвинул жетон к ней.

— До Еревана есть путь через Москву. На Казанском вокзале спросишь рыжего кота Семена. Покажешь метку. Он знает дальше.

Моника смотрела на жетон, не касаясь его.

— Ты меня отпускаешь?

Тихон отвернулся к окну.

— Нет. Я признаю, что удержать тебя не смогу.

Для него это было почти одно и то же.

Глава 5. Последняя ночь в Петербурге

Последнюю ночь перед отъездом Моника решила провести не под лестницей, а на крыше.

Тихон сначала сделал вид, что это глупость, потом сам поднялся к ней. Лила пришла позже, уже без свадебного банта, и легла между ними.

Снег почти растаял. Над Невой висел туман, город светился желтым.

— Запомни его, — сказал Тихон.

— Я и так знаю Петербург.

— Знать и запомнить — разные вещи. Когда уезжаешь надолго, память начинает перестраивать улицы под себя.

Моника посмотрела на знакомые крыши.

— Ты когда-нибудь уезжал?

— Да.

Они с Лилой одновременно повернулись.

— Куда? — спросила Лила.

— В молодости. До рождения вашего отца. Москва, Киев, Тбилиси. Один раз дошел до моря.

— И ты молчал?! — возмутилась Моника.

— Я не обязан превращать старость в экскурсию по собственной биографии.

Оказалось, Тихон тоже был Проводником. Не странником, как Роланд, а именно Проводником: доставлял сообщения, сопровождал кошек, знал станции.

— Почему перестал?

— Потому что встретил вашу бабушку. Потому что устал. Потому что захотел дом. Все причины одновременно.

— И не жалел?

Тихон подумал.

— Иногда жалел, что не поехал. Иногда жалел, что уехал. Это не значит, что выбор был неправильным. Это значит, что у любой выбранной дороги есть дороги, по которым ты не пошел.

Моника запомнила.

Лиля спросила:

— А папа знал?

— Конечно. Поэтому и злился на меня. Считал лицемером: сам ездил, а ему запрещаю.

— А ты запрещал из-за бабушки?

Тихон долго молчал.

— После ее смерти я решил, что если все останутся дома, никто больше не исчезнет.

Моника прижалась к нему.

— Не сработало.

— Нет.

— Ты боишься, что я тоже исчезну?

— Каждый день.

Он сказал это спокойно.

Не как упрек.

— Но страх — мой. Не твой.

Моника почувствовала, как эта фраза меняет все.

Лила положила хвост поверх их лап.

— А я боюсь, что вы обе будете жить интереснее меня.

— Это уже твоя проблема, — сказал Тихон.

Лила возмутилась, Моника засмеялась.

Они сидели до глубокой ночи и рассказывали семейные истории. Как Роланд котенком свалился в ведро. Как Элиза впервые пришла в их дом и сразу выгнала Тихона с его любимого кресла. Как маленькая Моника однажды спряталась в дорожной сумке родителей, потому что решила, что ее обязательно возьмут с собой.

— Я не помню.

— Тебе было меньше года, — сказал Тихон. — Роланд нашел тебя уже у двери.

— И что сделал?

— Сел рядом и объяснял полчаса, почему не может взять. Будто ты понимала.

Моника улыбнулась.

— Может, понимала.

Перед рассветом Тихон ушел первым.

Лила осталась.

— Если тебе станет страшно, напиши.

— Напишу.

— Если будет очень хорошо — тоже.

— Почему?

— Потому что обычно ты делишься только проблемами. Моника удивилась точности.

— Хорошо.

Они спустились.

У двери дома Моника остановилась и вдохнула запах дерева, пыли, старых тканей и еды.

Не для того чтобы проститься навсегда.

Чтобы однажды проверить, насколько память его изменила.

Глава 6. Поезд на юг

На следующее утро Моника уехала из Петербурга.

Она не взяла почти ничего: кожаную сумку отца, фотографию родителей, жетон Проводников и маленький ошейник с серебряной пластинкой, на которой человеческими буквами было выгравировано ее имя.

Тихон провожал ее до Московского вокзала. Он был мрачнее ноябрьского неба.

— Еще не поздно передумать.

— Поздно.

— Никогда не поздно стать разумной.

— А ты точно хочешь разумную внучку?

Он хмыкнул.

У входа на вокзал они остановились. Люди торопились мимо, таща чемоданы. В воздухе смешались запахи кофе, мокрых пальто, металла и снега.

Тихон прижал ее к себе.

— Вернись живой.

— Вернусь другой.

— Это меня и пугает.

Моника улыбнулась.

Дальше она шла одна.

Путь до Москвы оказался легче, чем она ожидала. Молодая проводница, знавшая знак Проводников, устроила ее в

служебном купе и поставила миску с водой. Моника почти не спала. Она смотрела в окно, пока Петербург не исчез, потом долго наблюдала за темными лесами, редкими станциями и снегом.

В Москве ее встретил Семен — огромный рыжий кот с одним белым ухом.

- Тихонова внучка? — спросил он, едва увидев жетон.
- Похожи. Только он мрачнее.
- Он говорит, что это мудрость.
- Все старые коты так говорят.

Глава 7. Улица Обручева

Семен не повел Монику сразу к Казанскому вокзалу. Он сделал вид, что не заметил ее удивления, свернул в переход, потом еще в один, вывел к стоянке машин и запрыгнул в старый темно-зеленый фургон.

За рулем сидела женщина лет шестидесяти в вязаной шапке. Она посмотрела на Монику в зеркало и сказала:

— Значит, ты Роландова дочь.

Моника застыла.

Женщина улыбнулась.

— Не бойся. Я Слышащая. Меня зовут Тамара.

Моника вопросительно посмотрела на нее.

— Откуда вы знаете?

— Потому что у тебя его взгляд. И потому что Семен написал мне утром.

— Неспортивно, — заметила Моника.

— Привыкай, — сказал Семен. — Сеть существует именно затем, чтобы нужные сведения приходили раньше нужной кошки.

Фургон выехал на широкую улицу. Москва была совсем не такой, какой Моника представляла ее по рассказам. Она ожидала величия, вокзалов, башен. Вместо этого за стеклом сменялись дома, дворы, магазины, остановки, люди с пакетами. Город не пытался впечатлить. Он был занят собой.

— Куда мы едем? — спросила Моника.

— На Обручева, — ответила Тамара.

Моника посмотрела на Семена.

— Ты знал про фотографию?

— Тихон написал только: «Если будет спрашивать про Руту, не ври».

— Очень на него похоже.

— Поэтому я и не вру.

Улица Обручева встретила их мокрым снегом, серым небом и длинными домами. Фургон остановился во дворе, где детская площадка блестела после оттепели. Ничего тайного здесь не было. Обычные подъезды, окна, машины.

Тамара открыла боковую дверь.

— Станция Проводников редко выглядит как станция Проводников.

Они вошли в подъезд, поднялись на несколько этажей и остановились перед металлической дверью. Моника узнала синий участок стены с фотографии.

Сердце стукнуло сильнее.

Дверь открылась до звонка.

На пороге стояла очень старая черная кошка с белой точкой на подбородке.

— Рута? — выдохнула Моника.

— Смотря кто спрашивает.

— Моника. Дочь Роланда и Элизы.

Старая кошка не двинулась. Потом медленно подошла и

обнюхала Монику от носа до хвоста.

— Пахнешь Тихоном.

— Он мой дед.

— Это я знаю.

Рута повернулась.

— Заходи.

Квартира оказалась тесной и невероятно теплой. В коридоре стояли переноски, на кухне сушились миски, в комнате вдоль стены тянулись шкафы с папками. На подоконниках сидели две молодые кошки и огромный белый кот, который даже не открыл глаз.

— Здесь жили мои родители? — спросила Моника.

— Ночевали. Много раз.

Рута запрыгнула на стол.

— Твой отец был ужасным гостем. Открывал окна, приводил незнакомцев и задавал вопросы, на которые никто не хотел отвечать.

— Мне уже говорили.

— А твоя мать была хуже.

Моника удивилась.

— Почему?

— Потому что Роланд хотя бы делал вид, что собирается слушаться. Элиза сразу говорила «нет» и шла делать по-своему.

Семен хмыкнул:

— Семейное.

Моника показала язык.

Рута открыла нижний ящик шкафа и вытащила маленькую жестяную коробку.

— Это осталось после их последней московской остановки.

Внутри лежали старые жетоны, клочок карты, несколько медицинских карточек и маленькая пленка в прозрачном конверте.

— Что на ней?

— Не знаю. Тогда проявить не успели. Потом никто не стал трогать.

Моника почувствовала раздражение.

— Столько лет?

— У Проводников есть правило: чужое послание не открывают только потому, что очень любопытно.

— А если там было что-то важное?

— Для них — возможно. Для тебя — может быть. Но право на тайну не исчезает только потому, что кого-то давно нет рядом.

Моника замолчала.

Рута посмотрела на нее внимательнее.

— Ты хотела получить все сразу?

— Я хочу понять, что с ними случилось.

— Это не одно и то же.

Старая кошка достала из коробки сложенный листок. На нем была схема Москвы, нарисованная от руки. От улицы

Обручева линия шла к Ленинскому проспекту, затем к центру, потом к аэропорту. Рядом стояли короткие пометки: «Е.» «Т.» «Слышит двоих». «Не оставлять документы в одном месте».

— Что значит «слышит двоих»?

— В те годы Слышащие чаще могли устанавливать связь только с одной кошкой за раз. На Ленинском жил человек, который слышал сразу нескольких. Это было редкостью.

— Он жив?

Рута посмотрела на Тамару.

Та едва заметно покачала головой.

— Нет, — сказала Рута. — Но квартира осталась в сети.

Моника провела лапой по карте.

— Можно туда?

— Можно. Но сначала ты поешь.

— Я не голодна.

Все трое — Рута, Семен и Тамара — одновременно посмотрели на нее.

— Хорошо, — сдалась Моника. — Немного.

За едой Рута рассказывала о старой сети. Когда-то не было общих чатов, электронных билетов, баз данных. Адреса передавали из уст в уста. Кошки запоминали запахи подъездов. Люди оставляли знаки мелом на водосточных трубах. Если маршрут становился опасным, знак стирали, и следующая пара Проводников должна была догадаться, что делать дальше.

— И никто не терялся?

— Все терялись, — сказала Рута. — Разница в том, что у потерявшегося был шанс найти другого Проводника.

— А сейчас?

— Сейчас вы думаете, что телефон делает вас менее потерянными.

Тамара рассмеялась.

— Рута ненавидит телефоны.

— Телефон не умеет нюхать снег.

— Зато умеет показывать карту.

— Карта без запаха — просто рисунок.

Моника улыбнулась. Ей нравилась эта старая кошка.

После еды Рута отвела ее к окну. Во дворе дети катались с маленькой горки.

— Последний раз твои родители были здесь перед дорогой в Ереван. Роланд сказал, что хочет показать Элизе город, где камни хранят солнце. Она ответила, что он опять придумал красивую фразу, чтобы оправдать очередной билет.

— И поехала.

— Конечно.

— Они были счастливы?

Рута долго смотрела на снег.

— Иногда. И это важнее, чем «всегда».

Моника не сразу поняла.

— Люди и кошки любят рассказывать историю задним числом так, будто в ней все было ясно. Не было. Они ссори-

лись. Иногда расходились на недели. Твоя мать хотела дом. Отец боялся, что дом станет клеткой. Потом они нашли способ иметь и дом, и дорогу. А потом появились вы с Лилой, и все снова пришлось придумывать заново.

Моника почувствовала странное облегчение. Родители наконец перестали быть идеальными фигурами на старых фотографиях.

Они стали живыми.

— А почему Тихон так ненавидит путешествия?

— Потому что любовь всегда ищет виноватого, когда кого-то теряет.

Рута спрыгнула с подоконника.

— Пойдем. Ленинский ждать не любит.

Моника положила карту в отцовскую сумку. Перед уходом она обернулась.

— Рута.

— Что?

— Ты знала Марию?

Старая кошка прищурилась.

— Один раз видела. Лет пятнадцать назад. Приехала с коротколапым котенком и устроила всем скандал, потому что одна семья собиралась отправить его в дорогу без нормальной переноски.

— Похоже на легенду.

— Легенды обычно возникают из людей, которые слишком часто делают то, что остальные считают неудобным.

— Где она сейчас?

Рута фыркнула.

— Если бы я знала, я бы первой попросила ее вернуть мою синюю миску. Увезла случайно и обещала привезти обратно.

Моника рассмеялась.

Мария снова оказалась реальной — не статьей, не именем, а человеком, который когда-то забыл чужую миску.

И, как всегда, уже уехала дальше.

Глава 8. Ленинский проспект

На Ленинский проспект они приехали к вечеру. Небо стало темно-синим, снег перестал, и на мокром асфальте отражались фары. Для Моники широкий проспект казался рекой, по которой вместо воды текли машины.

— На фотографии все было тише, — сказала она.

— На фотографии вообще обычно тихо, — ответил Семен.

Тамара припарковалась возле старого дома. Подъезд здесь был светлее, чем на Обручева, но внутри пахло одинаково московски: камнем, батареями, мокрыми куртками и чужими ужинами.

Квартира принадлежала внучке того самого Слышащего. Ее звали Ирина. Она была молодой — Моника ожидала старуху, а увидела женщину с короткими волосами и смешными тапочками с кошачьими ушами.

— Я не Слышащая, — сразу предупредила Ирина. — Дар не всегда передается детям. Но я Проводник.

Она присела и протянула ладонь. Моника обнюхала пальцы. Запах был спокойный: бумага, кофе, корм, улица.

— Заходите. Я достала дедовы журналы.

Журналы оказались не дневниками, а учетными книгами. Даты, имена животных, направления, номера рейсов, короткие пометки. «Кот из Минска — боится мужчин». «Кошка

из Омска — не переносит закрытую переноску, накрывать тканью только наполовину». «Два котенка — едут вместе, не разделять».

Моника листала страницы и чувствовала, как меняется ее представление о Проводниках. До сих пор сеть казалась почти романтической тайной: жетоны, карты, скрытые квартиры. Здесь она увидела настоящую работу — скучную, точную, бесконечную.

— Вот твои родители, — сказала Ирина.

На странице стояло: «Роланд, Элиза. Петербург — Москва — Ереван. Сопровождающий: С.А. Особое: оба самостоятельные, склонны менять маршрут без предупреждения».

Семен кашлянул, скрывая смех.

— Ничего смешного, — сказала Моника.

— Очень смешно.

Ниже была другая запись, сделанная несколькими годами позже: «Роланд, Элиза, две маленькие кошки. Москва транзит. Дети остаются дома. Родители возвращаются через северный маршрут».

У Моника замерло сердце.

— Две маленькие кошки — это мы с Лилой?

Ирина кивнула.

— Судя по дате, да.

— Они брали нас в Москву?

— Возможно, только на несколько дней.

Моника ничего не помнила. Но вдруг ей почудился запах — теплый воздух батареи, яблочная кожура, шерсть матери. Может быть, память. Может быть, воображение.

— Что такое «северный маршрут»?

Ирина перелистнула страницу.

— Не знаю. Дед использовал кодовые названия. Здесь несколько линий: южный, морской, северный, красный. Полных расшифровок нет.

— У Проводников слишком много секретов.

— Иначе сеть бы не пережила некоторые времена.

Тамара поставила на стол чай и миску воды.

— Важно не то, что скрывали, а от кого.

Ирина достала еще одну папку. В ней были фотографии. Моника сразу увидела мать. Элиза сидела на подоконнике этой самой квартиры. Рядом — человек, которого Моника никогда не видела, вероятно дед Ирины. На полу валялись карты.

На следующем снимке Роланд пытался залезть в открытую дорожную сумку, явно слишком маленькую для него.

Моника засмеялась.

— Он всегда был таким?

— По семейным рассказам — да, — сказала Ирина. — Дед говорил, что ваш отец считал любую закрытую сумку личным вызовом.

Среди фотографий лежал конверт без подписи. Внутри — кусочек старой фотобумаги. Изображение было темным, но

можно было различить коротколапую кошку на столе и женскую руку рядом.

— Мария? — сразу спросила Моника.

Ирина покачала головой.

— Не знаю. Дата гораздо позднее ваших родителей. Возможно, это один из первых визитов ее питомцев в сеть. Дед умер до того, как я стала помогать Проводникам. Я только слышала имя.

На обороте была пометка: «М. просит никогда не перевозить котенка без контакта с хозяином. Проверять, понимает ли человек ответственность».

Моника задумалась.

— Она всегда была такой?

— Какой?

— Будто за каждым решением стоит целый закон.

Семен усмехнулся.

— Заводчики хорошие именно поэтому. Они думают на несколько поколений вперед. Обычная кошка планирует до ужина.

— Ты планируешь до ужина?

— Я планирую до второго ужина.

Разговор прервал слабый стук из стены.

Моника подняла уши.

— Что это?

Ирина прислушалась.

Снова стук. Потом едва слышное мяуканье.

Семен уже был у двери.

— Соседняя квартира?

— Там живет пожилая женщина, — сказала Ирина. — У нее кот Платон.

Они вышли на площадку. Ирина позвонила. Тишина.

Моника прижалась ухом к двери. Мяуканье повторилось — слабее.

— Он зовет.

— Ты его понимаешь? — спросила Ирина.

— Нет. Просто слышу.

Тамара закрыла глаза. Ее лицо изменилось.

— Он направляет мысль, — сказала она. — «Она не встает».

Все произошло быстро. Ирина вызвала помощь и управляющую компанию. Пока ждали, Платон снова передал через Тамару: хозяйка лежит на кухне, не отвечает. Дверь открыли через несколько минут, которые Монике показались часом.

Пожилая женщина была жива. Она упала и не могла подняться. Врачи увезли ее, а Платон остался в квартире, дрожа всем телом.

Тамара села рядом.

— Она вернется, — передала она.

— Точно? — пришла мысль кота.

— Мы сделаем все возможное.

Платон посмотрел на Монику.

— Ты Проводник?

Моника хотела сказать «нет». У нее не было опыта, должности, станции. Только жетон деда.

Но Семен ответил раньше:

— Уже да.

Моника посмотрела на него.

— Я ничего не подписывала.

— Сеть не любит бумаги.

— Судя по журналам, очень любит.

— Это Ирина любит бумаги.

Платон неожиданно прижался к ноге Тамары.

В ту ночь Моника поняла одну вещь: Проводник — не тот, кто знает секретные маршруты. Проводник — тот, кто замечает чужой зов и не проходит мимо.

Позже они вернулись в квартиру Ирины. На Ленинском уже почти не было пробок. Огни тянулись вдаль, и проспект выглядел совсем как та река, которую Моника увидела вечером.

— Родители здесь тоже кого-то спасали? — спросила она.

Ирина улыбнулась.

— Дед писал, что однажды Элиза не дала ему спать двое суток, потому что во дворе потерялся котенок.

— Значит, да.

Моника посмотрела на старую запись с именами родителей.

Рядом Ирина положила новый лист и написала сегодняш-

нюю дату.

«Моника. Петербург — Москва — Ереван. Первая самостоятельная дорога. Особое: слышит тех, кого другие не замечают».

— Эй, — возмутилась Моника. — Я не Слышащая.

— Я и не написала, что Слышащая.

Моника перечитала.

Почему-то эта запись тронула ее больше, чем все старые фотографии.

Впервые ее имя появилось на карте не как чья-то дочь.

Как она сама.

Глава 9. Ночной узел

Ночевать они вернулись на Обручева. Рута уже спала, но квартира Проводников никогда не затихала полностью. Кто-то приходил, кто-то уходил, звякала миска, шуршала переноска, в коридоре тихо переговаривались люди.

Моника устроилась на подоконнике и никак не могла заснуть.

Слишком многое случилось за один день. Родительские записи. Платон. Старые фотографии. Собственное имя в журнале.

Около двух ночи в дверь трижды коротко постучали.

Рута появилась мгновенно, будто и не спала. Тамара вышла из кухни. Семен поднял голову.

На пороге стоял молодой мужчина с мокрыми волосами и переноской.

— Экстренный, — сказал он. — Домодедово утром. Документы есть. Сопровождающая пропала со связи.

В переноске сидела маленькая серебристая кошка. Она дрожала так сильно, что пластик едва заметно вибрировал.

Тамара присела.

— Как ее зовут?

— Айви. Летит к семье в Ереван.

Моника насторожилась.

— В Ереван?

— Да.

Тамара попыталась установить связь, но кошка отвернулась и закрыла глаза.

— Не направляет мысль. Слишком напугана.

Рута посмотрела на Монику.

— Сядь рядом.

— Почему я?

— Потому что вы летите одним маршрутом.

Моника легла возле переноски.

— Привет.

Айви не ответила.

— Я тоже завтра лечу впервые.

Одно ухо шевельнулось.

— Я делаю вид, что не боюсь. Получается плохо.

Кошка открыла глаза.

— Самолет падает? — спросила она едва слышно, обычным кошачьим голосом.

— Надеюсь, нет.

— Очень убедительно.

— Я не специалист.

Через несколько минут Айви уже рассказывала, что всю жизнь жила у одной женщины, но та заболела и больше не могла ухаживать за ней. Новую семью нашли через знакомых в Армении. Айви не хотела уезжать. Не потому что боялась Еревана. Она боялась, что если согласится на новый дом, то предаст старую хозяйку.

Моника вспомнила Лилу. Вспомнила собственное обещание вернуться.

— Любовь не становится меньше, если у тебя появляется еще одно место, где тебя любят.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю. Проверяю на себе.

Айви немного успокоилась.

Проблема была в другом: сопровождающая действительно исчезла. Телефон выключен, рейс утром, новые люди ждут кошку в Ереване. Отменить поездку значило потерять билеты и, возможно, место.

Проводники собрались на кухне.

— У Моника уже есть сопровождающая до Еревана — Елена, — сказал Семен.

— У Елены разрешение только на одно животное, — ответила Тамара.

— Можно поменять документы?

— Ночью?

Рута презрительно посмотрела на них.

— Вы все слишком привыкли к тому, что вопрос решается кнопкой.

Она ушла в комнату и вернулась с потрепанной записной книжкой.

— В аэропорту работает Вадим. Его мать была Проводником. Он не Слышащий, но знает сеть. Позвоните.

— Сейчас два часа ночи, — сказала Тамара.

— Если он сменил номер, тогда действительно поздно.
Номер не изменился.

Через двадцать минут у них был план. Айви полетит с другим пассажиром, который согласится стать временным сопровождающим. Документы переоформят утром через ветеринарную службу. Вадим встретит их до регистрации.

— А если пассажира не найдем? — спросила Моника.

— Найдем, — сказала Рута.

— Почему ты так уверена?

— Потому что за тридцать лет я ни разу не видела аэропорт без человека, который готов помочь кошке, если правильно попросить.

Моника подумала, что это удивительно оптимистичная фраза для самой ворчливой кошки Москвы.

До рассвета они не спали. Айви лежала рядом с Моникой, уже не в переноске. Семен рассказывал нелепые истории про границы. Тамара проверяла документы. Молодой Проводник пил кофе и каждые пять минут извинялся за то, что привез проблему ночью.

— Перестань, — сказала Рута. — Проблемы не смотрят на часы.

В четыре утра пришло сообщение: сопровождающая нашлась. Ее увезли в больницу после аварии, она была жива, но, конечно, лететь не могла.

Айви подняла голову.

— Она жива?

Тамара передала вопрос и ответ.

— Жива.

Кошка закрыла глаза с облегчением.

Утром фургон снова выехал из двора на Обручева. Москва была синей от раннего света. На Ленинском зажигались окна, автобусы собирали первых пассажиров.

В аэропорту Вадим уже ждал их. Высокий мужчина в форме службы аэропорта быстро просмотрел бумаги.

— Нашел сопровождающего. Девушка летит к родителям в Ереван, любит кошек, согласна.

— Она Слышащая? — спросила Моника.

— Нет.

— Айви ей доверится?

Тамара посмотрела на кошку.

Айви сама подошла к переноске и вошла внутрь.

— Доверюсь, — сказала она.

Моника почувствовала гордость, хотя почти ничего не сделала.

— Увидимся там?

— Если не упадем.

— Ты ужасная.

— Ты первая начала.

Дверца закрылась.

Перед регистрацией Рута, которая неожиданно приехала вместе со всеми, подозвала Монику.

— Вот.

Она протянула маленький металлический круг. Не такой, как жетон Тихона. На нем были две пересекающиеся линии.

— Старый знак московского узла.

— Зачем мне?

— Не тебе. Твоей сумке. Люди иногда слишком быстро решают, что предмет принадлежит им.

Моника улыбнулась и привязала знак рядом с отцовской фотографией.

— Спасибо.

Рута посмотрела в сторону.

— Если встретишь Марию раньше меня, напомни про синюю миску.

— Обязательно.

— И скажи, что я не простила.

— А ты простила?

— Конечно. Но ей знать необязательно.

Моника прижалась к старой кошке.

Рута сначала застыла, потом коротко лизнула ее в ухо.

— Иди уже. Южный ветер тебя заждался.

Когда самолет начал рулить, Моника посмотрела через маленькое окно переноски. Москва медленно отодвигалась. Где-то там остались улица Обручева, Ленинский проспект, Рута, журналы и старые следы родителей.

Она приехала сюда транзитом.

Но уехала Проводником.

ЧАСТЬ II. ЕРЕВАН

Ереван научил ее слышать не только зов мира, но и другого путника.

Глава 10. Карта, на которой нет границ

Когда самолет поднялся над Москвой, Моника поняла: это совсем не похоже на поезд. Земля исчезла слишком быстро, и она инстинктивно вцепилась когтями в плед.

Елена уловила ее испуг и тихо засмеялась. Она была Слышащей, поэтому ответ Моники прозвучал для нее не мяуканьем, а ясной мыслью.

— Все путешественники когда-то летят впервые.

Через несколько часов свет изменился. За иллиуминатором показались горы.

Моника приподнялась.

Над облаками стоял Арарат.

Она знала его по фотографиям, но ни одна фотография не передавала ощущения, будто огромная белая гора просто ждала ее здесь много лет.

В аэропорту воздух был другим — сухим, теплым, наполненным запахом камня, кофе, пыли и чего-то сладкого.

«Город, где камни помнят солнце даже ночью», — вспомнила она.

Елена передала переноску мужчине с седыми висками. Это был Арсен, давний участник сети и один из редких Слышащих. Он открыл дверцу уже в машине, когда вокруг не

осталось посторонних.

— Добро пожаловать в Ереван, Моника. Меня зовут Арсен. Твой отец когда-то спал у меня на мастерском столе и разбил три банки с синей краской.

Моника застыла.

— Вы знали его?

— Очень хорошо.

— А маму?

— И ее.

Она не заметила, как у нее задрожали лапы.

Арсен улыбнулся.

— Похоже, ты приехала не только путешествовать.

За окном проплывали розовые дома. Вдали сияла гора.

Моника поняла, что настоящая дорога только началась.

До мастерской Арсена они ехали почти час, хотя Монике казалось, что город растягивает время нарочно. Она лежала на заднем сиденье, все еще чувствуя в лапах дрожь самолета, и слушала Арсена. Он не говорил вслух. Его голос появлялся у нее в голове спокойно, как будто мысль всегда принадлежала ей самой.

— Не пугайся, — предупредил он. — Слышащие не читают все подряд. Это было бы невежливо. Мы слышим только то, что кошка направляет нам сама.

— А если я ничего не направляю?

— Тогда я вижу кошку, которая очень старается выглядеть бесстрашной.

Моника сердито дернула хвостом, и Арсен рассмеялся.

Он рассказал, что сеть Проводников появилась задолго до него. Сначала это были несколько семей, которые помогали животным на вокзалах и в портах. Потом к ним присоединились ветеринары, фотографы, журналисты, работники авиакомпаний и просто люди, умевшие держать обещание. Слышащие встречались редко, и каждый из них узнавал о своем даре по-разному. Кто-то в детстве вдруг понимал, почему дворовая кошка не идет домой. Кто-то просыпался от чужого страха и находил за стеной застрявшего котенка. Арсен услышал первую кошачью мысль в девять лет.

— Что она сказала? — спросила Моника.

— «Убери ногу с моего хвоста».

Моника впервые за весь день рассмеялась.

В мастерской ее ждали. Не торжественно — в мире Проводников не любили лишних церемоний. На подоконнике сидела Арпи, у печки дремал седой кот Вардан, а на столе стояла миска с водой. Арсен поставил рядом дорожную сумку Моники и открыл окно.

— Ты свободна. Можешь остаться, можешь уйти. Единственное правило моего дома — дверь никогда не считается запертой для кошки.

Моника подошла к окну. С улицы пахло кофе, камнем, жареным мясом и пылью. В Петербурге запахи лежали слоями, прибитые холодом к земле. Здесь они поднимались вверх, смешивались и кружили между домами.

Арпи прыгнула рядом.

— У нас сегодня ночует еще одна путешественница. Из Москвы.

Из-за старого шкафа вышла маленькая черная кошка с белым пятном на груди. Ее звали Нора. На шлейке висела круглая медная пластинка Проводников.

— Первый раз так далеко? — спросила она.

Моника кивнула.

— Тогда первое правило: никогда не делай вид, будто все понимаешь. Второе: если местная кошка говорит, что по этой крыше нельзя идти, не спрашивай почему. Третье: если человек улыбается слишком сладко и предлагает посадить тебя в машину, сначала найди Слышащего.

— А четвертое?

— Всегда запоминай, где вода.

Ночью они сидели втроем на крыше. Арпи рассказывала про Ереван, Нора — про московские вокзалы, Моника больше слушала. Впервые она была среди существ, для которых ее желание ехать дальше не требовало оправданий.

— Зачем ты приехала? — спросила Нора.

— За родителями.

— Они здесь?

— Нет. Их давно нет.

Нора помолчала.

— Тогда, может быть, ты приехала не за ними.

Моника хотела возразить, но не нашла слов.

Над крышами появился Арагат. Ночью он был почти невидим, но Моника знала, что гора там. Так иногда чувствуется присутствие кого-то любимого: не видишь, не слышишь, а все равно знаешь.

На следующий день Арсен показал ей маленькую комнату, где Проводники хранили документы. Там были переноски разных размеров, аптечки, старые карты, списки телефонов, фотографии животных, которые однажды добрались до дома благодаря этой сети. На стене висела карта мира, испещренная нитями.

— Каждая линия — чей-то путь, — объяснил Арсен. — Не обязательно дальний. Иногда самый важный маршрут — от улицы до теплой кухни.

Моника заметила несколько нитей, уходивших из России в Армению, потом дальше — через океан, к Америке и Европе.

— А эта?

Арсен посмотрел туда, куда она показывала.

— Старая. Почти стерлась.

— Чья?

Он ответил не сразу.

— Твоих родителей.

У Моники перехватило дыхание.

Нить шла от Петербурга к Еревану, потом тянулась к побережью, исчезала под несколькими новыми отметками и снова появлялась возле Рима.

— Они были в Риме?

— Были.

— Почему ты не сказал вчера?

— Потому что вчера ты еще хотела получить от меня годовую карту своей жизни. А сегодня уже смотришь на нее сама.

Она рассердилась, но поняла, что он прав.

На нижнем краю карты была приколата свежая карточка: фотография женщины с кудрявыми волосами среди нескольких коротколапых кошек. На обороте кто-то написал: «Мария. Манчкины. Слышащая. Вечно в дороге».

Моника застыла.

— Это она?

— Она, — сказал Арсен. — Приезжала зимой. Спорила со мной до двух часов ночи о том, можно ли считать домом место, где ты пробыл всего неделю.

— И что решила?

— Что дом — это тот, кто тебя ждет.

— Где она сейчас?

Арсен усмехнулся.

— Вот этого не знает никто. Неделю назад говорили, что в Америке. До этого — что снова в России. С ней всегда так.

Моника коснулась фотографии носом.

В тот момент у ее путешествия появился еще один невидимый маршрут. Она приехала искать прошлое родителей, а нашла след женщины, с которой никогда не встречалась. И

почему-то была уверена: однажды эти линии пересекутся.

В следующие дни Моника снова и снова возвращалась к карте в комнате Проводников. Арсен разрешал ей сидеть там сколько угодно, но запретил переносить карту или фотографировать некоторые старые отметки.

— Почему?

— Потому что карта принадлежит не нам. Она состоит из чужого доверия.

— Но половина адресов давно не действует.

— Доверие не становится общедоступным только потому, что устарело.

Моника приняла правило, хотя ей оно не нравилось. Чем дольше она общалась с Проводниками, тем яснее понимала: сеть держится не на тайнах, а на границах. Кто-то всегда знает только ту часть маршрута, которая нужна ему сейчас. Полную картину не хранит почти никто.

— Даже Мария? — спросила она однажды.

Арсен рассмеялся.

— Особенно Мария. Она слишком много ездит, чтобы носить с собой чужие секреты.

Он показал ей систему старых знаков. Две пересекающиеся линии означали безопасную станцию. Точка под ними — рядом есть Слышащий. Три короткие царапины — маршрут временно закрыт. Круг — ветеринарная помощь.

— А это? — Моника указала на круг с разрывом и тремя короткими линиями.

Арсен стал серьезнее.

— Усиленное наблюдение.

— Болезнь?

— Не обязательно. Если на одном маршруте несколько животных заболевают похожим образом, Проводники ставят этот знак, временно разводят потоки и проверяют факты вместе с ветеринарами. Это не диагноз и не карантин.

Моника запомнила знак, не представляя, насколько важным он станет позже.

В тот же день в мастерскую пришла Сона — Слышащая, которую Моника еще не знала. С ней было трое котят. Все говорили одновременно, и Арпи уже через минуту спряталась на шкаф.

— Как вы это выдерживаете? — спросила Моника Сону.

— Не слышу всех постоянно. Только направленную мысль.

— А если десять кошек направляют одновременно?

— Тогда мечтаю стать обычным человеком.

Сона объяснила, что Слышащие отличаются друг от друга. Одни слышат слова, другие — образы. Кто-то понимает только знакомых животных. Некоторые воспринимают страх и боль, но не речь. И почти все устают после долгой связи.

— Это не суперспособность, — сказала она. — Это ответственность. Самое опасное — начать думать, будто раз слышишь мысль, то имеешь право решать за того, кто ее направил.

Моника вспомнила Платона на Ленинском.

— Тамара спросила его, прежде чем что-то делать.

— Потому что Тамара хорошая Слышащая.

— А бывают плохие?

— Бывают люди. Дар ничего не исправляет автоматически.

Вечером Сона предложила Монике попробовать простое упражнение. Они сели друг напротив друга.

— Направь мне одну мысль. Не голосом.

— Я не умею.

— Все кошки умеют. Вы просто обычно не замечаете.

Моника закрыла глаза и подумала о снеге на петербургской крыше.

Сона улыбнулась.

— Холодно. Желтый фонарь. Гудок поезда.

Моника распахнула глаза.

— Ты увидела?

— Ты показала.

— А можно показать то, чего не было?

— Конечно. Мысль и память выглядят похоже. Поэтому Слышащий не детектор лжи.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Потому что я уже начала вас бояться.

Сона рассмеялась.

Потом пришла очередь Моники принимать мысль. Она

ничего не слышала.

— Я не Слышащая.

— И не должна быть. У кошек другое восприятие. Иногда вы понимаете друг друга без нашего посредничества лучше, чем мы сами себя.

Перед уходом Сона заметила фотографию Марии на карте.

— И ты тоже ее ищешь?

— «Тоже»?

— Половина молодых Проводников хотя бы раз пыталась ее найти. Она умеет исчезать за день до того, как ты приезжаешь.

— Это специально?

— Иногда мне кажется, да.

— Зачем?

Сона пожала плечами.

— Может, проверяет, кто ищет человека, а кто — подтверждение собственной легенды.

Эта фраза задела Монику.

— Я не ищу легенду.

— Тогда тем более не спеши.

Позже Арсен достал еще одну старую схему. На ней маршрут родителей был обозначен не сплошной линией, а цепочкой точек. Петербург. Москва. Ереван. Затем несколько мест, названия которых стерлись. Рим. Нью-Йорк. И снова Европа.

— Они ездили туда и обратно?

— Много раз.

— А почему я думала, что они просто однажды уехали на север и исчезли?

— Потому что ребенок помнит последний отъезд, а не всю взрослую жизнь родителей.

Моника долго рассматривала точки.

— Ты знаешь, где они исчезли?

Арсен не ответил сразу.

— Нет. Я знаю только, что после последней отметки связь оборвалась. Ни один Проводник не видел их потом лично.

— Значит, они могли...

— Моника.

Она замолчала.

— Не превращай отсутствие доказательства в надежду, которая съест твою жизнь.

— Но ты сам сказал, что не знаешь.

— Не знаю. И именно поэтому не обещаю тебе чудо.

Она рассердилась. Ушла на крышу. Долго смотрела на Арарат и думала, что ненавидит взрослых за их осторожные ответы.

На следующий день Моника вернулась к карте.

Она прикрепила рядом с родительской линией маленькую новую нитку: Петербург — Москва — Ереван.

— Что ты делаешь? — спросил Арсен.

— Свой маршрут.

— Правильно.

— И он пока заканчивается здесь.

— Любой маршрут пока где-то заканчивается.

Моника приколола булавку возле Еревана.

Рядом с ней находилась фотография Марии.

Две линии почти касались друг друга.

Но еще не пересекались.

Глава 11. Город розового камня

В Ереване след Марии становился все живее. Рыжая кошка с балкона на Каскаде сказала, что заводчица манчкинов была здесь всего несколько дней назад: навещала знакомых Слышащих, помогала котятam и снова уехала — так же внезапно, как появляется весенний ветер.

Моника снова почувствовала странное волнение: словно она все время идет по следу не только собственной судьбы, но и чужой доброй тени. Именно в Ереване она поняла, что встреча с Марией станет одной из самых тихих и упорных мечт ее дороги.

Мастерская Арсена находилась недалеко от улицы Сарьяна. Она пахла маслом, деревом, краской и солнцем. На подоконниках стояли десятки маленьких мисок, а во дворе жили кошки всех оттенков — черные, рыжие, трехцветные, дымчатые.

Хозяйкой кошачьей части мастерской считалась Арпи — маленькая трехцветная кошка с зеленым глазом и янтарным глазом.

— Петербург? — переспросила она, обняв Моника. — Там правда вода падает с неба половину года?

— Иногда кажется, что весь год.

— Ужас.

— А у вас правда летом камни горячие даже ночью?

— Еще какой. Пойдем покажу.

В первые дни Моника почти не задавала вопросов о родителях. Она боялась услышать слишком мало или слишком много. Вместо этого ходила по городу.

Арпи показывала ей дворы Конда, где кошки переходили с крыши на крышу по старым стенам; Каскад, где по вечерам было слышно музыку; Вернисаж, где можно было часами сидеть между коробками и слушать истории продавцов; маленькие кафе, где официанты оставляли блюда с водой для местных кошек.

Моника смотрела на город так, как смотрел ее отец: не глазами туриста, а глазами того, кто ищет характер места.

Она научилась различать запах дождя над Араратской долиной и запах пыли после полудня. Полюбила сидеть на теплой стене в сумерках. Познакомилась с уличным стариком-котом по имени Вардан, который утверждал, что видел всех важных людей Еревана за последние двадцать лет и половину из них считал скучными.

Однажды Арсен принес старую коробку.

— Это оставили твои родители.

Моника замерла.

В коробке лежали фотографии. Ее мать на фоне Каскада. Отец на крыше, рядом с молодым Арсеном. Две кошачьи морды у миски с абрикосами. Смешной снимок, где отец пытался пролезть в узкое окно и застрял.

Моника засмеялась сквозь слезы.

— Они были счастливы здесь?

— Очень.

— Почему уехали?

Арсен задумался.

— Потому что были такими, как ты. Счастье не всегда останавливает странника. Иногда наоборот — дает ему силы идти дальше.

— Тихон считает это проклятием.

— Тихон потерял сына. Он имеет право считать что угодно.

Моника опустила голову.

— А вы знаете, куда они поехали после Еревана?

— Знаю несколько мест. Но не думаю, что тебе нужно повторять их маршрут.

— Почему?

— Потому что тогда ты проживешь их жизнь вместо своей.

Эти слова задели ее сильнее, чем она ожидала.

Вечером Моника ушла одна. На площади звучала музыка. Люди гуляли, дети ели мороженое, туристы фотографировали фонтаны.

Именно тогда она впервые увидела Джошуа.

Он сидел на спинке скамейки так, словно скамейка, площадь и весь город временно принадлежали ему. Темно-коричневая шерсть отливала медью, на правом ухе был маленький шрам. Рядом лежала потрепанная сумка, к которой была

привязана полоска ткани с эмблемами разных городов.

Незнакомец смотрел на людей и что-то царапал когтем на маленькой картонке.

Моника прошла мимо.

— Ты неправильно смотришь, — сказал он ей вслед.

Она остановилась.

— Простите?

— На город. Ты смотришь на здания. А надо смотреть на тех, кто между ними.

— И кто вы такой, чтобы объяснять мне, как смотреть?

Он улыбнулся.

— Джошуа.

— Это должно было все объяснить?

— Обычно объясняет достаточно.

Моника уже решила уйти, но увидела, что на его сумке висит такой же жестяной жетон Проводников, как у нее.

Джошуа заметил ее взгляд.

— А-а. Теперь понятно. Новенькая.

— Я не новенькая.

— Все новенькие так говорят.

— И все самодовольные коты, видимо, тоже представляются Джошуа.

Он рассмеялся.

Моника ушла, раздраженная.

Через двадцать шагов она поняла, что улыбается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.